

● ● ●
Ты высоту наберёшь
и скорость
и выйдешь за край
из чужих широт.
В такую глухую, глухую пору
ни скрипка, ни скрип не врёт.
И вот уже времени —
и в помине
в памяти нет его, но постой,
какие пустые, пустые мили
неодолимы, как дым густой.
И ты принимаешь его на веру,
и давят сны, словно
снежный ком.
Холодный свет разольёт
по венам
своё несбывшееся молоко.
«Я парю
над всем,
что жило
со мною...»

● ● ●
Лишь на пятом балконе
затихнет звук —
снова слышен дорожек
кремнистый ряд.
Здесь о прошлом не говорят
и здесь будущее не зовут.
Лишь на пятом смолкнет
последний звук,
вздрагнешь, словно
в немом такси,
не дежавю, так хоть
ми-соль-си,
дайте вспомнить, что я живу.
Здесь, у дома, по осени
писем ждут,
разводят костры, но слов
не сжигают зря,
и о будущем — до утра говорят,
не зная, что так поют.

● ● ●
Осталось фото. И рюкзак.
И шарф.
В краю стрекозок
и лесов осинных
следы от взглядов
бархатных и синих
запомнили травинки и душа.
И ты становишься бедой
с одним крылом,
навек одной неправильной
частицей
и, сердцем не переставая
биться,
во мне звучишь,
пульсируя светло
и утешая: «Время не болит.
Оно — кораблик,
пущенный однажды.
Настанет дождь, и пароход
бумажный
причалит к храму
на краю земли».

● ● ●
Странное лето — такого
ещё не бывало.
Ты так и будишь меня,
не уснувшую
толком.
А в переулках настигнет
небес покрывало
того, кто окажется тихим,
послушным
ребёнком.
Но — пока мы меняемся
жухлыми письмами,
по вечерам разносится
голос твой звонкий,
цифры сменяются числами,
буквы — бессмыслицей.
Нам выходить
на следующей остановке.

● ● ●
Из рифм сплетая
дымное кольцо,
туман уходит, превращаясь
в Рим,
распахнутый, как Божие лицо,
с высоким лбом
и куполом над ним.
Слова уходят—
мы не побежим,
и с Капитолия—
не камнем вниз.
Расчерченный теньями
купол смотрит ввысь,
и в нём слова—
и там не тесно им.

● ● ●
А снег исчезает... по весенней
(и детской) моде.
Его не удержишь, словно твой
хрупкий смех.
И—не надеясь ещё на один
успех,
мой маленький человек,—
снег уходит.
Как луна, застрявшая в ветках
будней,
одиноко включаются фонари.
Снег живёт теперь
у тебя внутри.
И, пока ты спишь,
ты его забудешь.

● ● ●
Бледный юноша
с Ричардом Бахом
женщине в метро уступил
место,
постоял пять минут и вышел,
а наверху зеленеют крыши...
Он не знает, что ему
причиняет
боль—да ведь это ножик
карманный.
Он постоял пять минут,
сочиняя
минутный стих, но в тумане
что-то важное ещё искрится:
у природы после болезни
кризис.
Он не зря, значит, отстоял
две мессы.
И от радости он преодолел
забор
одним махом.

● ● ●
Мне снилось: в белом они
плывут,
склонясь надо мною,
невидимой нитью шьют.
И сердце—за пару простых,
как игла, минут—
успеет срастись или
расколется.
Но выпал крест из разжатых
рук,
как в сердце тёмное
страшно мне заглянуть,
и вера моя растаяла,
словно звук,
и тихо стало на дне колодца.

● ● ●
Всё так же. Безумно море.
Степи не хватает места.
Но стёрся знакомый номер,
и с ним все твои смс-ки.
Я на ночь открыла двери,
чтоб звон пустоты послушать,
прошло восемь лет, и, верно,
я в прятки играю лучше.
Как тень обнимает город,
как сон обнимает ветви,
сильнее прижмись к рассвету,
в степи ли, в горах, у моря.

● ● ●
Ты за всё, если хочешь,
меня прости.
И пока в тишине твой
змеиный яд
проступает на пальцах—
в твоей горсти
спелое солнце и виноград.
...За оградой вечерней
его несут,
мимо окон, полей,
виноградных лоз,
и отбойного сердца
не слышно тут,
и сплетают венки
из цветистых ос.
...Ты за всё, если хочешь,
прости меня.
Хоть не спросит никто
никогда за то,
как ты жил, любя или же—
кляня,
и кому протянул
в тишине платок.

● ● ●
Когда тебе плохо—
ты можешь смотреть в окно
и думать, что так заранее
заведено.
Но в пересеченье линий
таится глухой ответ,
но бьётся со стуком в окно голубиный
свет.
Не тень светофора—
тьма от крыла орла
накрыла всю улицу
от перекрёстка и до угла,
и в ней не хватает воздуха
и простора.
Мы тоже звучали раньше
нестройным
хором
и сочиняли что-то
про бездомных собак.
Теперь всё ушло, всё
навсегда не так.
Закрой же плотнее окна
и подивись:
тишина заглушает крики
вспорхнувших
птиц.

● ● ●
Плывут твои сомненья
по Неве,
покой оков гранитных
не нарушив.
Как корабли или как шар воздушный,
её мечты потянутся к земле.
Вот девочка спускается
к реке—
где облик твой
надменно-отстранённый
уже не отражается в волне—
и чистой зачерпнёт воды
в ладони.

● ● ●
Всё здесь маленькое,
игрушечное, никакое.
Я парю над всем, что жило
со мною.
Над пустой мечтой,
опустевшим лесом,
над всем тем, чем мир был
мне интересен.
Я зову тебя, только ты
не слышишь.
Или слышишь?..

● ● ●
Ещё, казалось, нет добра и зла.
На берега, пустые изначально,
под облаками
неспокойных чаек
внезапно тень твоя
тяжёлая легла.
Ты очертил знакомый
сердцу круг
от встреч до расставаний
и обратно,
и не хватает больше
циферблата,
как сцепленных нам
не хватает рук.
Уносит день свой ветреный
испуг,
я тихой ночью буду звать
обратно
тебя—как сына, и отца,
и брата,
и будет плавиться и таять звук,
смолою тёмной обжигая шар,
пока рассвет не вспыхнет
новой свечкой,
пока огонь неразделим
и вечен
и одинока и черна душа.

● ● ●
Как теперь—взгляни
на наши лица—
ты разрушишь к солнцу
этажи?
Ты, как прежде, приказал
мне сниться,
раз не вышло нам
на свете жить.
Или проронил немного солнца
в дебри заплутавших без тебя.
Времени причудливые кольца
в запылённом сумраке рвяты.
И, подёрнутая паутинным
светом,
темноту отбросившая даль
мне пришлёт несорванную
ветку
в сентябре, похожем
на февраль.
И уйдут, дорог не разбирая,
мой вопрос и лучший твой
ответ.
Так же солнце
с выцветших окраин
собирает в жатву летний свет.